

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.4>

Исакова Снежана Анатольевна

ЭТНОПОЭТИКА РАННИХ РАССКАЗОВ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА "ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ")

В статье рассматривается национальная специфика творчества хантыйского писателя Е. Айпина. Используя метод сопоставительного анализа, автор изучает ранние рассказы писателя, вошедшие в сборник "Время дождей". Материал исследования показывает, что основу этнопоэтики вышеупомянутых рассказов составляют элементы устного народного творчества. В текстах присутствуют различные вплетения мифологических сюжетов и мотивов, отражающих неповторимый характер мышления народа ханты, особенности которого, взятые из мира природы, ярко отразились в лексике Айпина-прозаика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 19-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17-ти т. Чебоксары, 1929. Т. IV. 360 с.
2. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 676 с.
3. Егоров Н. И. Праздники и обряды чуваш // Иванов В. П., Матвеев Г. Б., Егоров Н. И. и др. Культура чувашского края. Часть 1: учеб. пособ. / сост. М. И. Скворцов. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1994. С. 175-228.
4. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен (с 22-мя приложениями). Казань: Типография Императорского Казанского Университета, 1875. 279 с.
5. Золотницкий Н. И. Невидимый мир по шаманским воззрениям чуваш. Казань: Университетская типография, 1877. 27 с.
6. Золотницкий Н. И. О старой чувашской вере // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877: в 2-х т. Казань: Типография Императорского Казанского Университета, 1891. Т. II. С. 252-256.
7. Ильина Г. Г., Мышкина А. Ф. Традиционные представления чувашей о фольклорном персонаже Инкек // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72) Ч. 3. С. 23-25.
8. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 287 с.
9. Мышкина А. Ф., Яковлева О. Н. О некоторых фольклорно-мифологических и религиозно-мистических особенностях сознания чувашского народа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). Ч. 3. С. 135-137.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I.
11. Отрывки из чувашско-русского словаря, составленного Н. И. Золотницким. Казань: Губернская типография, 1874. 48 с.
12. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии: заметки о чувашах. Казань: Издание книгопродавца Дубровина, 1856. 188 с.

**VERBAL AND ACTIONAL TECHNIQUES TO AVOID/BANISH EVIL SPIRITS
IN THE TRADITIONAL CHUVASH CULTURE (ACCORDING TO N. I. ZOLOTNIZKY)**

P'ina Galina Gennad'evna, Ph. D. in Philology
Myshkina Al'bina Fedorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary
galiil69@mail.ru; alb-myshkina@mail.ru

Chuvash folkloristics offers a wide range of poorly investigated themes and problems, which are still to be examined thoroughly. The article exposes to scientific analysis the materials, which were identified and fixed in different sources as long ago as in the XIX century. Relying on the works of the authoritative Chuvash linguist N. I. Zolotnizky and other researchers, whose ethnographic studies contain folkloric materials, the authors identify ideological peculiarities of the Chuvash people in the techniques to avoid (banish) evil spirits.

Key words and phrases: Chuvash folklore; pagan beliefs; mythology; mythological personage; Chuvash people's religious beliefs; ethno-culture; evil spirits.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 09.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.4>

В статье рассматривается национальная специфика творчества хантыйского писателя Е. Айпина. Используя метод сопоставительного анализа, автор изучает ранние рассказы писателя, вошедшие в сборник «Время дождей». Материал исследования показывает, что основу этнопоэтики вышеупомянутых рассказов составляют элементы устного народного творчества. В текстах присутствуют различные влечения мифологических сюжетов и мотивов, отражающих неповторимый характер мышления народа ханты, особенности которого, взятые из мира природы, ярко отразились в лексике Айпина-прозаика.

Ключевые слова и фразы: фольклор; фольклорные жанры; поэтика; этнопоэтика; национальная лексика; рассказ; сопоставительный анализ; хантыйская литература; Е. Айпин.

Исакова Снежана Анатольевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
snejana_issakova@inbox.ru

**ЭТНОПОЭТИКА РАННИХ РАССКАЗОВ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ»)**

Творческая позиция Е. Айпина имеет свою особенность. Вот что об этом пишет литературный критик М. М. Рябий: «Айпин – коренной житель Севера, его хантыйского сообщества, человек, принадлежащий роду Бобра, а потому невольно стремящийся понятием “родственности” охватить положительных героев и персонажей своих произведений» [8, с. 282]. Следуя культурным традициям народа, Е. Айпин в своих работах выражает духовный мир народа ханты, его мировоззренческую и этноэстетическую природу. В произведениях писателя отражается неповторимый мир людей, связанных между собой единством происхождения, языка, духовной культуры.

Немалую роль в изучении этнопоэтики рассказов Е. Айпина сыграли труды исследователей центральной и региональной критики, оказавшие несомненное влияние на становление художественной индивидуальности писателя. Однако при значительном количестве критических и литературоведческих исследований вопрос изучения национальной специфики ранних рассказов Е. Айпина рассмотрен эпизодично, если не считать монографии Е. С. Роговера «Творчество Еремея Айпина» (2007), диссертационного исследования Е. В. Косинцевой «Хантыйская литература: от истоков до современности: темы, образы, традиции» (2013). О творчестве хантыйского писателя упоминается и в статьях литературоведов В. В. Огрызко «Литература отчаяния и надежды», В. А. Рогачева «Стрелы вольного охотника», Н. В. Цымбалистенко «Утрата корней», вошедших в сборник «Хантыйская литература» (2002), а также в работах зарубежных исследователей Е. Тулуз «Две ветви одного дерева» (2000), Д. Самсона «Невероятность Трех Миров» (2001).

Тема национальной специфики рассказов Е. Айпина, является актуальной не только по причине недостаточной изученности интересующего нас вопроса, но и в силу актуальности самого материала. Еремей Данилович пишет и сейчас, активно занимается общественной работой. Его произведения переведены на английский, немецкий, французский, венгерский, финский и другие языки.

Материалом исследования послужила книга «Время дождей (рассказы разных лет)», опубликованная в середине 1990 годов. Сборник состоит из четырнадцати рассказов, написанных Е. Айпиным в 1970-е годы, кроме двух: «Русский лекарь» (1993) и «Осень в твоём городе» (1993).

Центральной темой всех рассказов книги становится образ природы, мир которой у писателя опозитивирован, физически ощутим. Гармоничное взаимодействие главных героев – человека и природы – определяет ту модель поведения человека, которая присуща представителю традиционной культуры, живущего в гармонии с природой. Отношение к природе Е. Айпин показывает через восприятие и мироощущение героев своей книги. Мысли и чувства персонажей передаются посредством авторской речи: *Обрадовался Коска: он любил идти навстречу солнцу. <...> Любил Коска осенний ледоход: у реки тепло и уютно. <...> В березняке трещали и свистели на разные голоса птицы. Тайга успокаивала* [1, с. 34-35]. Понятие «родственности», или «единения», раскрывается словами рассказчика, его оценочной характеристикой: *он любил идти навстречу солнцу, тайга успокаивала, у реки тепло и уютно*, а также при помощи объективизации деталей: *трещали и свистели птицы, весело хрустят льдинки, оно (солнце) пригревало все сильнее*, – которые непосредственно направлены на главного героя – Коску, но при этом остаются в рамках авторского повествования.

Позиция автора – рассказчика – присутствует в развернутых пейзажных описаниях, которые часто сопутствуют повествованию, а содержащиеся в них приемы подчеркивают индивидуальный стиль Е. Айпина. Например: *Из-за леса вырвались скудные лучи осеннего солнца, скользнули по белому бережку, сверкнули и заискрились на берегах, незаметно пробежали по темной воде и перескочили на маленький плотик из сухих лесин, плывший по середине реки, задержались на мгновение и заспешили дальше, чтобы охватить всю необъятную ширь тайги, чтобы разбудить зверей и птиц, чтобы отогнать ночную мглу и согреть одиноких путников. За первыми лучами брызнул поток света, осветивший всю окрестность* [Там же, с. 34]. Автор не дает полного описания цвета, кроме одного словосочетания – *по белому бережку*. Цветовая палитра в основном передается глаголами – *сверкнули и заискрились, скользнули, вырвались, незаметно пробежали, перескочили, заспешили, брызнул и т.д.*, – которые непосредственно относятся к смысловому центру контекста – существительному *луч (лучи)*. В контексте также представлен и пространственный признак, выраженный рядом словосочетаний – *необъятную ширь тайги, на берегах, по середине реки, по бережку, всю окрестность* и т.д., – подчеркивающих масштабность, отраженную в контексте.

Одушевление природы раскрывается в неразрывной связи понятий «живое» и «неживое», которая также представлена в описаниях пейзажа. К примеру: *Солнце стало серым и неподвижным, как обленевший медведь, который собирает залечь в берлогу. <...> Тучи облезлыми оленьими шкурами лежали на вершинах кедров, прижав к земле таежных птиц, продрогших и насквозь мокрых. <...> Тайга стонала, как смертельно раненный зверь* [Там же, с. 53, 151]. В данных примерах прием сравнения основывается на образах, лексическое значение которых относится к реалиям северной природы.

В культуре хантов сохранился древний пласт верований, связанный с животными. Почитание животного как прародителя и помощника в охоте способствовало тому, что в произведениях северных писателей, в том числе и у Е. Айпина, многие фольклорные анималистические персонажи характеризуются устойчивой выразительно-эмоциональной оценкой. Так, один из ранних рассказов писателя – «Медвежье горе» (1972) – посвящен повествованию о медведе, во многом родственному человеку.

Живой образ медведицы-матери наиболее четко проявляется в предложениях, содержащих сравнение. Например: *Медведь, как и человек, бывает разный. <...> Она застонала, вернее зарыдала, как человек-мать* [Там же, с. 8]. Сравнение с человеком подчеркнуто и при помощи вставной реплики в функции несобственно-прямой речи: *Пусть, мол, побарахтаются, пока на охоту схожу...* [Там же], а также при употреблении номинант *мать, детки*. В трагическом финале рассказа переживания охотника Ефрема выражены не только описанием его чувств: *А у меня аж сердце упало. И ноги пропали, будто убежали куда. Словно окаменел я, а шелохнуться не могу. Моему разуму и телу совсем плохо стало* [Там же], – но и тем образно-метафорическим оборотом, который как бы подчеркивает единство и единение мира природы: *Дерева, показалось мне, и то заплакали* [Там же].

В сопереживании животному, которое выражает старый охотник, несомненно прослеживается связь с устным народным творчеством. Вот что об этом говорит Н. В. Лукина: «В хантыйской культуре певец или

рассказчик настолько близко подходил к образу, что максимально самоидентифицировался с ним» [3, с. 38]. Подобные примеры мы находим и в других рассказах писателя, где сопереживание персонажа, повествователя или рассказчика проявляется, например, к реке в рассказе «Последний рейс» (1972); к животному в рассказе «Лебединая песня» (1976); в «В урмане» (1973) герой сопереживает дереву и т.д.

Природа в произведениях Е. Айпина осмысливается как вечное начало, дающее и порождающее жизнь. Отсюда идет тенденция к олицетворению, претворенному приемами, которые характерны для художественно-литературного изображения. Явления природы, смена времен года часто описываются в динамике, в движении, в смене цвета и красок пейзажа.

Так, в рассказе «Время дождей» (1977) образ дождя связан с множеством ассоциаций, на основе которых строятся метафорические образы, говорящие об особенностях авторского восприятия дождя. Дождь в рассказе, словно живое существо, может действовать метафорически: *...дождь проникает во все закоулки... дождь родился так давно... незваным гостем забрался в укромные дупла... петлял недалеко от балков*; он говорит и рассказывает: *...дождь напоминал, он пересказывал ее жизнь... бесконечно вел свою грустную беседу, вел торопливо и тревожно, будто спешил, чтоб кто-нибудь не прервал... дождь гордил неведомо что, залепетал что-то несуразное, о чем-то неведомом и темном... водяным языком пересказывает все, что услышит... дождь донимал зловецким шепотом... неустово молотил по балкам* [1, с. 74-76].

В трагической концовке рассказа образ дождя представлен и символически – в виде кары небесной: *...небо рыдало не переставая... тайга урюмо насторожилась... стонал осинник, роняя пурпурно-красную листву... бездонная ночь тонула в переполненных реках и озерах... морщились и стонали древние кедры... темнота сгущалась... дождь лил не переставая* [Там же, с. 80].

Сравнения относятся к одним из наиболее простых и образных средств, свойственных художественной речи. В области национальных литератур, как отмечает Н. Г. Михайловская, «сравнение как компонент художественного выражения само по себе является языковым средством, которое характеризует национальную поэтику» [4, с. 113].

Чаще всего субъектом сравнения служат некоторые наименования животных. Употребление слов, обозначающих животных в роли субъектов сравнения, дает оценку внешним свойствам, внутренним качествам или поступкам действующих лиц повествования. Например: *На парней рычала свирепой росомахой, не стесняясь в выражениях: «Эй, кобелье, кто обидит – шкуру спущу, собакам скорблю!»* [1, с. 75]. Здесь сравнение выражено творительным падежом имени существительного – *росомаха (росомахой)*. В данном примере автор, сравнивая героиню с росомахой, наделяет ее теми качествами, которые присущи этому животному – смелость, выносливость, агрессивность, злость. Отрицательная экспрессия заложена в образном значении имени существительного в функции творительный сравнения, а также в глаголе *рычала* и определении *свирепой*. Оценочная функция сравнительного оборота зависит от той экспрессии, которой определяется авторское отношение к персонажу.

Более частым приемом сравнения в произведениях писателя выступают союзные сравнения. По тематическому признаку объекта они могут характеризовать человека по внешности, по манере поведения, действиям. Союзные сравнения также относятся к наименованиям реалий быта и культуры, а также к словам и словосочетаниям, обозначающим различные явления природы.

Субъект сравнения выражен существительным, обозначающим понятие живой или неживой природы. Например: *Что он вынюхивает, как лиса? – размышлял Маремьян. – Наверно, что-то ему очень нужно* [Там же, с. 38]; *Он вскочил и заметался по избушке, словно загнанный волк* [Там же, с. 81]; *Старик только махнул сухой кистью... потом сказал потише: «Что кричишь, как ворон?»* [Там же, с. 51].

В рассказах Е. Айпина более употребительными национальными лексемами являются слова, обозначающие предметы домашнего обихода, а также понятия и предметы, связанные с промысловой охотой. В этом случае при анализе текстов особый интерес вызывают подстрочные ссылки к национальной лексеме. Они вводятся в текст с целью определения семантики и понятийного содержания слов хантыйского языка, а также внешнего вида и назначения реалии.

Так, в рассказах «Волки» (1973), «Бездомная собака» (1979) упоминается слово *хорей*: *Но волчий вой и предсмертный визг собаки ударили его лучше всякого хорей** – и он снова рванулся, не разбирая тропы (в сноске: хорей – шест, которым подгоняют оленью упряжку) [Там же, с. 18]; *Пэртэшь*!* – еще раз крикнул Михаил и погрозил ей хореем. – Я ей хорей показал – теперь не захочет за нами (в сноске: пэртэшь – оклик собаке, означающий «прочь» (хант.)) [Там же, с. 101]. Отсутствие указания на назначение реалии восполняется содержанием контекста – *волчий вой и предсмертный визг собаки ударили его, и он снова рванулся*, – из которого выясняется не только семантика слова, но и практическое использование самого предмета. При втором употреблении слово отмечено в составе прямой речи и сопровождается другой национальной лексемой – *Пэртэшь!* Данный контекст содержит элементы художественной образности, при которой прямое значение лексемы *хорей* усиливает экспрессию контекста. Смысловое сопоставление хорей с языком оленевода воспринимается не только как деталь художественного изображения, но и как образ, подсказанный практикой жизни.

Значение слова *каслание* (перекочевка стойбища оленеводов и оленьего стада (нен.)), которое напрямую связано с оленеводством и традиционным укладом жизни, раскрывается автором в диалоге героев, контекст которого определяет семантику данного слова: *Не знаю, как бы без нее мы пастушили, как бы каслали с места на место. Представляешь, как с такой оравой кочевать?!* [Там же, с. 132].

В рассказах Е. Айпина с лексикой, обозначающей реалии и понятия оленеводства, связаны слова, относящиеся к природе, земле, животным. Их толкование осуществляется в текстах и сносках. Например:

Наскоро ужинаем, кормим измученных хвостатых, сушим мокрую одежду...* (в сноске: хвостатый – здесь: собака. Когда охотники-ханты говорят о медведе, то «собаку» не называют «собакой», чтобы не унижить достоинство хозяина леса) [Там же, с. 6].

В языке Е. Айпина выделяется лексико-тематическая группа, слова которой поясняются в сноске, – это обозначения национальной одежды и обуви. Например: *Этот жилистый охотник в малице и кисах* и есть сам Леня Липецкий* (в сноске: малица – хантыйская шуба мехом внутрь; кисы – унты с меховыми чулками) [Там же, с. 120]; *На подволоках* крепко стоял. Словом, ничем от ханты не отличишь...* (в сноске: подволоки – широкие охотничьи лыжи, подбитые мехом) [Там же, с. 121]; *Какие кисы, какие лапы* были!* (в сноске: лапы, или камус, – шкура с ног крупных домашних и диких животных) [Там же, с. 67]; *Из лабаза пропали две пары кисов* – его и женины* (в сноске: кисы – меховая обувь до паха) [Там же, с. 65]; *Перед уходом я отдал ему летние нырики* и попросил снять сапоги* (в сноске: нырики – мягкая кожаная обувь из ровдуги, мокасины) [Там же, с. 125]; *Когда приезжие сняли кумыши*, в одном незнакомце я узнал оленьего Лекаря* (в сноске: кумыш – верхняя глухая одежда мехом наружу, надеваемая на малицу или шубу) [Там же, с. 164].

Национальные лексемы, обозначающие постройку, встречаются реже. Так, слово *чум* сопровождается пояснением других национальных лексем. Например: *Нюки* были старые, рваные, латаные-перелатаные* (в сноске: нюки – покрывало зимнего чума из остриженных оленьих шкур) [Там же, с. 165].

Автор часто употребляет существительные *лабаз*, *кораль*, не поясняя их значения в тексте или ссылке. Однако, исходя из контекста, мы понимаем назначение этих реалий: *Микуль сразу же вспомнил бревенчатый домик в кругу поседевших сосен, просторный кораль для оленей, глиняную печь на курьих ножках – хлеб там пекут. Амбар и небольшой лабаз – словом, все, что необходимо охотнику в Зимнем Селении* [Там же, с. 100].

Прослеживаются также национальные наименования, характерные для старого быта народа. Этот признак указан в составе текста и относится не к семантике слова, но к реалии. Например: *Обласок вытянуть не смог, привязал суденьшко за тухт* к низко склонившейся над водой березе, накрылся пологом* (в сноске: тухт – поперечный брус обласка, распорка (хант.)) [Там же, с. 27].

Встречаются слова, обозначающие понятия древнего общественного уклада, но они не так многочисленны. Например: *У главы рода много имен, рассказывал я своему спутнику. Ханты зовут его и Чач-ики, и Данива-ики, и Коски Отец – это по имени старшего сына* [Там же, с. 128]. В данном примере автор дает развернутый комментарий в монологе персонажа, не используя подстрочную ссылку.

В рассказе «Во тьме» (1977) обращение к жене выражено хантыйским словом *ими*: *Как-то нехорошо стало на душе у Ефрема. Сети все-таки не кисы, из оленьих жил не сплеть. Да тут еще жена со своим судом... И он тяжело разомкнул челюсти: – Ими-эй!..* – отпечатал он и замолк – не знал, что сказать* (сноска: ими – жена, ими-эй – обращение к жене (хант.)) [Там же, с. 70].

Отмечены и национальные обозначения мифологических существ. Один случай зафиксирован в авторской речи, сближающейся с несобственно-прямой: *Между тем хозяйка угощает гостей чем бог послал. Насчет этого у Ефрема строго: пришел гость – кто бы ни был – угощай чем богат, не роняй достоинство дома. Твое гостеприимство учтут Распределяющий Зверя, покровитель таежных зверей-птиц, и Ас-ики*, покровитель рыбьего царства. Эти боги потом с лихвой возместят то, что было поставлено гостям* (сноска: Ас-ики – буквальный перевод: Обь-старик) [Там же, с. 68].

Второй случай представлен в форме диалога, в котором понятийное содержание слова восполняется контекстом:

- *Кому – я помогаю, кто – мне помогает. Как без этого-то жить?*
- *Да, верно говоришь, Осип.*
- *Мне самому-то что?! Боись – не боись, а как порешит мой Верховный Торум – так тому и быть! – я взглянул на небо. – Там мой Главный восседает...* [Там же, с. 143].

Особую роль подстрочные ссылки играют в рассказе «Русский лекарь» (1990). Ссылки на конкретную фамилию рассказчика, исторические сведения, положенные в основание произведения, и комментарии автора призваны подчеркнуть подлинность, документальный характер рассказа.

Сюжет рассказа представлен как путешествие двух главных героев по территории хантыйского края. Следуя за оленями, герои проходят обширные пастбища, леса, реки, и автор в сноске сообщает об изменениях, которые произойдут в этих местах через несколько лет. К примеру: *Мы теряем свою землю...** (в сноске: **Тогда он еще не знал, что окончательно потеряет свои земли лет через тридцать, когда на месте его настоящей стоянки, возле устья Язевой Реки вырастет город нефтяников Радужный*) [Там же, с. 133]; *За сором, далеко-далеко в голубоватой дымке узким гребешком всплыла Межземельная Грива** (в сноске: **Спустя годы за Гриву придет железная дорога и там встанет город нефтяников и газиков Ноябрьск*) [Там же, с. 152]. Примечания автора, данные в сносках, создают самостоятельный текст, у которого есть свой сюжет, принадлежащий только самому автору.

Рассмотренные примеры показывают, что этнопоэтика ранних рассказов Е. Айпина основывается на понятиях и реалиях окружающей природы и животного мира и проявляется в репликах и монологах персонажей, а также в различных формах речи – авторской и несобственно-прямой. Национальное видение писателя создает особенный ракурс художественного образа, предопределяет приемы и средства выражения эстетической оценки и характеристики. Прежде всего, это проявляется на уровне лексики при использовании единиц национального языка. В анализируемых текстах национальные слова распределяются по тематическим группам: названия предметов одежды, быта и домашнего обихода, старинных построек; фольклорно-мифологические и социальные понятия; слова и выражения, связанные с промыслом.

Таким образом, привлеченный к анализу материал показывает, что основу этнопоэтики ранних рассказов Е. Айпина составляют элементы устного народного творчества. Этнопоэтика ранних рассказов книги «Время дождей» раскрывается в характере сравнений, олицетворений, метафор, а также в системе образов и стилистической манере писателя.

Особенности стиля Е. Айпина передают этничность, свойственную произведениям писателя, а также подчеркивают стилевое своеобразие мастера слова.

Список источников

1. Айпин Е. Д. Клятвопреступник. Избранное: роман и рассказы. М.: Русло, 1993. 423 с.
2. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: дисс. ... д. филол. н. Ханты-Мансийск, 2013. 466 с.
3. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.
4. Михайловская Н. Г. Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984. 160 с.
5. Огрызко В. В. Литература отчаяния и надежды // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 3-29.
6. Рогачев В. А. Стрелы вольного охотника // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 139-146.
7. Роговер Е. С. Творчество Еремея Айпина: монография. СПб.: Олимп-СПб, 2007. 212 с.
8. Рябий М. М. О лирических рассказах Еремея Айпина // Эринтур (Поющее озеро). Ханты-Мансийск, 2013. Вып. 18. С. 282-286.
9. Самсон Д. Невероятность Трех Миров // Мир Севера. 2001. № 6. С. 88-91.
10. Тулуз Е. Две ветви одного дерева // Мир Севера. 2000. № 5. С. 70-73.
11. Цымбалистенко Н. В. Утрата корней // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 179-190.

**ETHNO-POETICS OF EREMEI AIPIN'S EARLY STORIES
(BY THE MATERIAL OF THE CYCLE "THE TIME OF RAINS")**

Isakova Snezhana Anatol'evna

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
snejana_issakova@inbox.ru*

The article considers the national specificity of the Khanty writer E. Aipin's creative work. Using the comparative analysis method the author examines the writer's early stories included in the cycle "The Time of Rains". The research findings indicate that ethno-poetics of the mentioned stories is based on the elements of oral tradition. The texts contain the insertions of mythological storylines and motives representing the unique Khanty mentality closely associated with the natural world. Its peculiarities are clearly represented in Aipin's prose.

Key words and phrases: folklore; folklore genres; poetics; ethno-poetics; national vocabulary; story; comparative analysis; Khanty literature; E. Aipin.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 09.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.5>

Предметом исследования является гендерный дискурс кавказской темы в интерпретации русских писателей XIX в. – А. А. Бестужева-Марлинского, А. В. Дружинина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, каждому из которых довелось быть участником или очевидцем Кавказской войны (1722-1864). Цель – идентифицировать специфику северокавказской гендерной картины мира в художественной трактовке представителей русской реалистической и романтической школ. Впервые на материале «кавказоведческой» русской литературы воссоздан собирательный образ женщины-горянки XIX в. Результаты исследования вносят определенный вклад в малоизученную теорию гендера, гендерный дискурс русской литературы и научное кавказоведение. Автор статьи приходит к выводу, что А. А. Бестужев-Марлинский, А. В. Дружинин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой – русские писатели, реалистически запечатлевшие физический, психологический и ментальный облик северокавказской женщины в условиях фронта. Определяющими чертами ее образа выступают способность мыслить «поверх конфликта», тотальное отрицание войны и утверждение мира как высшей ценности.

Ключевые слова и фразы: русская литература; проза; кавказоведение; гендер; Бестужев; Дружинин; Лермонтов; Толстой; миротворчество.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru*

РУССКАЯ «КАВКАЗОВЕДЧЕСКАЯ» ПРОЗА XIX В.: ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС

Сохранение российской национальной и культурной идентичности в условиях глобализации является одной из самых актуальных задач современности. В решении этого сложнейшего вопроса по преимуществу